

Для русского мыслителя-консерватора, в отличие от большинства его православных современников во многом симпатизировавшего кальвинизму, Бог есть Бог и лучше просто смириться перед Ним. Вопрошания гордого ума здесь бессмысленны.

ЛЕВ ТИХОМИРОВ

Вечные вопросы

Печатается по: Л.А.Тихомиров. Христианство и политика. М.,1999. С.87-97

I

По поводу январской статьи *Летописи Печати'* я получил письмо, на которое скорее принужден, чем желаю отвечать. Письмо это, которое читатели сейчас прочтут, затрагивает вопросы вечного интереса, выражает вечные сомнения человека. Эти вопросы и эти сомнения, как и этот «бунт против Бога», были, есть и будут, пока человек остается человеком, не превращаясь ни в демона, ни в ангела, не достигая еще и той *святости*, идеал которой ставит перед нами христианское вероучение. Более или менее отвечать на них может каждый, ибо каждый их более или менее переживал. Но нет такого ответа, который бы их *окончательно для всех* решил. Их решение есть личная задача жизни *каждого* человека, и если отцу, при помощи Божией, удалось *для себя* дойти до понимания того, чем он столько лет страдал, это не избавляет сына от необходимости пройти тот же круг борьбы, употребить те же личные усилия для выработки своего понимания. В свою очередь, успех или падение сына — не предрешают ничего для внука и т. д. Мы все имеем здесь личную миссию, потому что в этих вопросах дело идет не о рассудочном знании, не о механической логике, а прежде всего в приобретении самого *орудия познания*. Когда оно у нас наконец сколько-нибудь очищено, исправлено, способно к действию, — все становится ясно. А пока этого нет, — никакие чужие объяснения ничему не помогут, или разве только немного *помогут*, но никак не избавят от необходимости *самому* работать над собой. Тем менее могут помочь *мои* объяснения, в этом отношении весьма слабые.

Но посмотрим сначала само письмо.

II

«В январской книжке *Русского Обозрения* за сей год, - пишет мой корреспондент, — вы поместили статью под заглавием: *Что делать молодежи?* Здесь, между прочим, вы сказали, что желаете ограничиться лишь «краткою формулировкой» того, почему вы считаете *свободное творчество* (курсив ваш) совместимым с основами русской **жизни**, и что *ожидаете* «запросов и возражений *более частных*».

«На днях я был в одном доме, где собралось немало молодежи **и**, между прочим, оказался один старый скептик-нигилист. О вашей статье говорили немало. Очень много говорили о заключительных строках вашего обращения к молодежи:

«Самостоятельность в том, чтобы действительно *знать* дело, *уметь* рассуждать, *уметь* выбрать и *быть* способным к творчеству». Все должны «самостоятельно действовать», быть «действительно *самостоятельными русскими людьми*, а не холопами чужого просвещения».

«Молодые люди соглашались с тем вашим положением, что русский народ, как православный, представляет собою «превосходную почву для развития», так что если не все этим пользуются, то виновата «ие среда, а сама личность, тем более, что православие *насильно* не ведет никого даже к счастью и спасению. Оно дает для этого только необходимые *данные*, а засим дело нашей *свободы* — вести нас, куда мы сами *хотим*».

«Старый скептик, внимательно слушавший весь спор молодежи, вмешался в разговор, и приведенные **им** доводы привели **в немалое** смущение всех споривших. Я не буду повторять его возражений дословно, ибо это было бы не совсем удобно в печати, но со своей стороны полагаю, что эти возражения заслуживают того, чтобы **их** обстоятельно опровергнуть и разъяснить все недоразумения, смущающие молодежь, на что я не имею достаточно подготовки. Я обещал только изложить вам сущность этих возражений, что и исполняю.»

«Вот сущность замечаний старого скептика, которые я привожу хотя и в кавычках, но передаю точно лишь смысл их:

«Бог сотворил мир из *ничего*, одним словом своим, — так говорите вы, — а человека создал из земли, — другими словами, также из ничего. Бог создал людей для того, чтобы они славили Его, жили, радовались и блаженствовали, — так говорится в Катехизисе. Но Он дал нам свободную волю, так что мы можем делать добро или зло, а следовательно, попадать или в рай, или в ад. Но это в *будущей* жизни, если таковая есть, а что мы видим в настоящей? Не есть ли вся наша жизнь лишь цепь горестей и страданий? Вы говорите о том, что мы должны облегчать страдания людские, отирать слезу ближнего, стремиться к полезной общественной деятельности, чтобы жить себе на честь, другим на пользу. Но *зачем* нам это делать? Почему бы нам не быть злыми и себялюбивыми? Это и проще, и приятнее, и даже резоннее.

Что такое *свобода вали*, которая ставится нам как бы в вину? Я мог бы понять эту ответственность за свои действия, если бы сам добровольно согласился принять эту свободу, взять на себя обузу существования, ибо, если бы я это мог, я предпочел бы вовсе не существовать. Но — кто *спрашивал меня*, создавая, желаю ли я существовать, желаю ли я получить эту *свободную волю*? Никто. Свободна ли такая воля, полученная против воли моей?

Бог всеведущ. Следовательно, он знал, что я буду старым человеко-ненавистником и вольтерьянцем, что я буду себялюбцем, эгоистом, — словом, самым скверным человеком. А если знал, что я буду **именно** таким, то не следовало и создавать меня.

Бог всемогущ. Разве Он *не мог* создать меня таким, чтобы я был хорошим человеком? А вот я злой, дурной человек, но появившийся на земле *без спросу у меня, без моего позволения!*..

Бог всеблаг и всемилосерд. И вот Он создал меня таким скверным, заранее зная, что я буду именно таким, а не иным. И в то же время мне грозят адскими муками даже и после того, когда я умру. Но за что? Я таков, каким меня создали, а следовательно, мне не за что и страдать. Кто *создал* меня, дал мне волю, которой я и не думал просить, тот и отвечает за мои ошибки...

Говорят о первородном грехе. Да чем же я-то виноват в нем? Этого греха я не делал. Во всяком случае, Бог, по всеведению, должен был знать, что этот первородный грех будет совершен. Зачем же Он допустил это, вопреки своей благодати, всемогуществу и всеведению?

И вот затем говорят об общественном благе, о том, будто я, будто мы взяли на себя какие-то обязанности. Но кто из них скажет, что мы сознательно брали эти обязанности? А если нет, то почему не жить в свое удовольствие? Почему не давить ближнего, если это мы можем сделать безнаказанно и с приятностью для себя? Нет, господа, прав Дарвин. Все мы происходим от обезьяны. Пусть же живет каждый для себя. Наслаждайтесь, пока живы, извлекайте из жизни все, что можно, и бросайте выжатые лимоны. Вот вам руководство жизни, преподаваемое старым эпикурейцем и вольтерьянцем».

«Старый вольтерьянец» выпил рюмку абрикотину, закурил гаванскую сигару и развалился в кресле, сделав лишь одно добавление к своей *profession de foi*.

— Ах, если бы я мог *верить*. Но — увы! — это поздно...

Вся эта речь произвела весьма сильное впечатление. Молодежь бросилась ко мне с вопросами: неужели же всего этого нельзя опровергнуть? Неужели же на все нужно смотреть столь «сатанинскими глазами»? Неужели нет выхода?

Я сказал, что все эти рассуждения застали меня врасплох, что я недостаточно компетентен, чтобы разрешить все эти недоумения, хотя в убежден, что все это есть лишь болезненный припадок больной души. Во всяком случае, обещал сообщить об этом вам, в надежде, что вы ответите на эти вопросы, которые, конечно, имеют общее значение, и вот почему важно обстоятельное их разъяснение».

III

Как и автор письма, я однако вовсе не компетентен решать эти «недоумения». В отношении богословия я учился постольку, поскольку это нужно было *лично* для меня, то есть постольку это вызывалось моей внутренней работой, моими запросами и сомнениями. Я очень благодарен богословию, которое дало мне достаточные *для меня* ответы. Но я не проповедник христианского вероучения и в размерах, необходимых для такой проповеди, богословия не изучал. Бели мне приходилось иногда, мимоходом, возражать на явно еретические мнения разных

«вольных пророков», то я лишь исполнял обязанность всякого члена православной Церкви, ничуть однако не преувеличивая своей «компетентности», да и возражал обыкновенно не иначе, как предварительно посоветовавшись с людьми «компетентными». Поэтому как автор письма, так и его молодые знакомые, и сам «старый вольтерьянец» лучше бы сделали, если бы обратились, *по крайней мере*, к специалистам богословам. Но собственно говоря, и это был бы путь не наилучший. То обстоятельство, что спорившая в описываемом случае компания не видит единственного наилучшего пути, — более всего и побуждает меня *ответить* ей.

В чем собственно самое существо вопросов, выдвинутых «старым вольтерьянцем»? Все сводится к тому, есть Бог или нет. Вот вопрос, который требуется решить. Это очевидно, Действительно, предположим перед собой человека, уверенного в бытии Божиим. Что он ответит «старому вольтерьянцу»? Почувствует ли какие-либо сомнения и недоумения? Понятно, нет. Все рассуждения «старого вольтерьянца», весь его «обвинительный акт» — являются дерзкими и кощунственными, но прежде всего — просто *бессмысленными*. Я это говорю не в смысле чего-либо обидного. «Старый вольтерьянец» для неверующего может казаться даже очень умным. Но для верующего — его размышления не умнее рассуждении испорченного ребенка, берущегося толковать о политике, государственном устройстве и т. п. В самом деле, подумайте только. Есть Существо непостижимо великое, *всесильное*. Оставим все остальное в Нем, но Оно - всесильно. Нет у меня *ничего*, ни одного атома тела, ни одного незаметнейшего элемента нравственного, которые бы не были в безусловной власти этого величайшего Источника всякого бытия. Я же, как и «старый вольтерьянец», вижу прекрасно, что сам, даже и в своих глазах, существо слабое и ничтожное. И вот — это ничтожное существо, эта физическая и нравственная пылинка, начинает критиковать Бога, объявлять Ему какую-то войну... Не есть ли это нечто безмерно глупое, ничтожно глупое? Не помню, где-то читал я рассуждения крестьянина по поводу Сатаны: «Ведь он, сатана, этакий дурак. Подумай, братец ты мой, против кого он пошел? Против самого Господа Бога... Не глуп ли?». И верно. Действительно — глупо до чрезвычайности. Но если это глупо со стороны даже Сатаны который в свое время был венцом создания, то что же сказать о нас со «старым вольтерьянцем»?

Если только Бог есть, то малейший здравый смысл, конечно, показывает, что для меня, минимально малого Его создания, — существует только один *modus vivendi* на свете — безусловно *подчиниться*, без всяких рассуждений быть тем, чем указывает воля Творца.

Но может быть эта ничтожная пылинка, называемая человеком, не хочет подчиняться силе? Это, по мне, не возвышенно, а смешно. Ведь никто же, не будучи сумасшедшим, не считает ниже своего достоинства подчиняться законам *природы*... Почему же эта мерка изменяется в отношении к *Божеству*, перед силой которого все силы природы — со- вершенный нуль? Скажут, — мы гут имеем дело с началом *нравственным*. Положим. Но и с этой точки зрения мы неизбежно приходим к тому же *подчинению*. Откуда свойства нашей личности» этот ум, воля, нравственное чувство? Разве они не истекают от Божества? Разве не Божество их источник? Но сравним же — ничтожно малую частицу всех этих свойств у вас с бесконечным их присутствием в непредставимо великом Источнике? Как же мы

можем Его критиковать? На что, при малейшем здравом смысле, обопремся в этой критике? На ум, на справедливость, на жалость, любовь?

Но те ничтожно крохотные зернышки этих свойств, которые имеются у нас, что они такое в сравнении с тем, что у Него? Нуль, ничто... Как же я могу не *положиться* на Него как на величайший авторитет? Могу ли я подумать, что понимаю лучше, что кому хорошо, или дурно, или больше люблю кого-нибудь и т. д... Такие вещи просто смешно думать, если мы только *верим в Бога*, Какие бы ни были недоумения, — они, естественно, не могут поколебать убеждения *верующего*, что в случае сомнений *он* в чем-то ошибается, а уж никак не Божество. Стало быть, опять во всех случаях является подчинение, на этот раз не по страху, а по *доверию*.

Наконец, человек, мало-мальски живущий высшей жизнью, духовной и нравственной, не может не *любить* духовных свойств личности, как чего-то высочайше прекрасного и благородного. Но это чувство — может ли не переходить на *их* бесконечно богатый Источник? Он является для нас высшим идеалом, перед Ним верующий не может не преклониться, не по страху, не по доверию, а по чувству благоговейного восхищения.

Во всех отношениях, со всех точек зрения, — веря в Бога — нельзя обратить ни малейшего внимания на рассуждения «старого вольтерьянца».

Никакого сомнения и недоумения они не могут произвести даже в том, кто не может понять их ошибочности.

IV

Но, собственно говоря, «обвинительный акт» старого вольтерьянца составлен, сверх того, в высшей степени *слабо*... дня верующего человека.

На чем играет логика «вольтерьянца»? Он сопоставляет различные свойства Божества и показывает будто бы их взаимное противоречие. Но тут очевидна грубая логическая ошибка. Прежде всего вспомним, что все эти свойства существуют в Божестве не порознь, а *слитно*, неразрывно. Ведь это только *мы*, на нашем языке, их расчлняем, для *приблизительного понимания* непостижимого Существа. В самом же Божестве все это существует в виде чего-то *единого*, абсолютного. Само собой понятно, что если мы расчленим это единое, непостижимое на отдельные понятия и каждое понятие выразим в *абсолютном* виде (как это приходится необходимо сделать, говоря о Божестве), то мы и получим *несколько абсолютов*.

Само собою разумеется далее, что несколько одинаково абсолютных понятий должны оказаться в противоречии между собою. Но ведь это противоречие *не в Божестве*, не в том «Существе вроеете», каково есть в действительности, *а только в нашем бедном уме*, неспособном охватить абсолютное, хотя и стремящемся к нему... Кажется, это и для человека не мудрено понять?

Старый же вольтерьянец не только **не** понимает этой простой разгадки, а любит своей «логикой», воображает, будто *он* ужасно силен в критике.

Он далее уверяет, что мир погружен в *несчастье и страдание*... Но, во-первых, и это спорно, Не все так думают. А, во-вторых, и с точки зрения пессимизма, это верно только в том случае, если отбросить небо и взять одно *земное* существование... Но - с точки зрения верующего — это значит отбросить

бесконечность и взять во внимание лишь ничтожную секунду. Какое же это рассуждение? Отбросьте в жизни все случаи, когда человек ходит и лежит, — и тогда можно утверждать, что человек весь век сидит. Отбросьте все случаи, когда человек здоров» — и тогда можно сказать, что он всегда болен... Словом, нет нелепости, которую нельзя было бы утверждать при такой логике.

Ну а если **мы** примем во внимание вземную жизнь, «тот свет»? Что тогда **можем** сказать? Страдания или счастья больше? Да ничего не *можем утверждать*, а можем только *верить*.

Старый вольтерьянец еще говорит, что не просил себя создавать, не просил создавать себя существом сознательным, свободным и ответственным. Что же из этого? Почему он думает, что для него обязательно или хорошо только то, о чем он просил? Где он нашел такие «законы»? И какую нелепость представлял бы мир, если бы он был создан по рецепту «старого вольтерьянца»? Каждое существо пожелало бы тогда устроить его по-своему, каждый иначе, в полном противоречия, дисгармонии и хаосе. Да еще каждый «согласился» бы сегодня на одни «законы», а завтра — сказал бы: «Не желаю»... Сверх того, все эти существа сами толком не знают, что для них хорошо и что плохо, и, конечно, нет ни единого, который бы знал это лучше, нежели Высший Божественный Разум. Итак, в результате создан был бы не только хаос, но пре' нелепый хаос, в котором разумное страдало бы от безумного. Но, к счастью, никто не спрашивал нас со «старым вольтерьянцем», и мир создан так, как создан, по одним стройным законам, общеобязательным для всех, желающих того или не желающих.

Но где же моя свобода? — скажет «старый вольтерьянец». Не ему бы спрашивать. Вы ее не желаете. О чем же хлопотать? Не желаете, так и останетесь без свободы...

Он и действительно останется (по собственной воле) *без свободы*. Что касается его слушателей, то пусть они почитают Евангелие с Посланиями, и они увидят вот что. Свободы нет нигде, кроме как *в Боге*. Поэтому по-христиански свобода и определяется часто как *рабство Богу. рабство Христу*. Кто раб Христу, то есть присоединяется к источнику свободы, тот свободен. Кто этого не желает — тому остается другой путь: «рабство миру», «рабство греху», а в резюме - «рабство диаволу». Старый вольтерьянец и все мы свободны выбирать путь, но, не будучи существами абсолютными, — попадаем только на один из этих двух путей. Старый вольтерьянец не желает *ответственности*. И однако он *сам* выбирает свой путь. Интересно знать: кто же за него должен отвечать? Он говорит: «Я вообще не желаю отвечать»... Но, во-первых, не он мир создавал и изменить его не в силах, — стало быть, его «не хочу» совершенно бессмысленно. Никто его об этом не спрашивает, как и мы даже, в своем земном быте, не спрашиваем анархистов, желают ли ови *отвечать* за свои кинжалы и бомбы. Во-вторых, если он действительно не хочет отвечать, то что же проще — подчиниться без рассуждений воле Божией и идти, куда она приведет? Тогда он, с течением времени, и увидит, что пришел к счастью и свободе, и не станет проклипать, а будет благословлять...

Так приблизительно представляется мне дело. Допустите, что Бог есть, и тогда все совершенно ясно, никаких недоумений нет. Но если Бога нет, то мир превращается даже в большую бессмыслицу, чем рисует «старый вольтерьянец». Неверующий самоубийца у Достоевского выразил все это гораздо ярче и лучше³. Тогда действительно не стоит жить, и уж, конечно, не абрикотином скрасишь жизнь. Жизнь тогда так нелепа, что с нее *ничего брать*. Стало быть, весь вопрос в бытии Божиим.

Но где же взять эту веру? «Хотел бы я поверить, — говорит старый вольтерьянец, — да поздно!»! Вопрос о том, почему является вера или неверие, — столь элементарен, что и я — не рискуя — могу отвечать на него. Вера — это непосредственное знание, — это, так сказать, ощущение бытия Божия. Так как в действительности Бог существует, и человек наделен Им известными божественными свойствами, — то, по самой природе, человеку свойственно «чувять» существование Божие и направляться к Нему. Но это естественно лишь в том случае, когда наши основные способности находятся в нормальном состоянии. Почивший епископ Феофан в своей книге «Что есть духовная жизнь» очень популярно и наглядно изъясняет, в каком соподчинении основные свойства человека действуют гармонично. Отсылаю к ней читателей.

Вот когда есть эта гармония, то и вера является столь же естественно, как естественно верит в существование солнца всякий зрячий человек. Если же веки его срослись или роговица покрылась пленкой, — то вопрос сводится не к тому, чтобы *убедить* его в существовании солнца, но устранить препятствия для зрения. Снимите бельмо, — увидит и без доказательств. Да тогда и доказательства явятся...

Устранение препятствий для *веры* — есть, таким образом, вопрос известного *душевного устройства*. Кто желает *узнать*, есть Бог или нет, тот должен испытать хотя бы в небольшой мере духовную жизнь, то есть привести свои природные способности в такой порядок, когда они раскрывают наше внутреннее зрение. Это вопрос не теории, а *жизни*. Без сомнения, человек и сам может более или менее справиться с такой задачей, но она вообще, как учат все опытные люди, — очень не легка. Если же человек вовсе не верит в Бога, то есть, стало быть, не видит, не ощущает Его, то это само по себе служит доказательством большого беспорядка во взаимном отношении его познавательных способностей. В таком состоянии *самому*, очевидно, еще труднее справиться, а равно бесполезно обращаться к людям «неблагоустроенным». Тут нужен опытный, компетентный взгляд и совет. Не теория тут требуется, а известный нравственный «режим». Как и в случаях физической болезни, нужен медик, знающий и опытный, для установления «режима», сообразованного с субъективностью больного...

Вопросы и сомнения, выдвинутые в споре, все вытекают из той глубины человеческой души, где способности познавательные тесно связаны со способностями желания, воли, чувства; из той глубины, где наше *я* цело и нераздельно. Из какой стороны этого целого *я* вытекают упомянутые вопросы и сомнения? Это вовсе не одинаково у всех людей. У иного они по преимуществу рождаются от потребности сознания, у другого из того или иного настроения чувства, у третьего из того или иного настроения воли. Здесь множество тончайших комбинаций, которые, мне кажется, ни у одного человека не совпадают с комбинациями другого. Между тем для того, чтобы ответить такому человеку

убедительно для него. нужно знать, понять *его* душу. Почему у него не действует правильно духовный механизм (если позволительно употребить такое грубое сравнение)? Очевидно, где-то песчинка, где-то пылинка, где-то ржавчина. Но где? Часовщик ив скажет этого, не разобрав, не рассмотрев часов. Так и в данном случае. Нет ни одного человека из спорившей компании, для которого эти вопросы уяснились бы совершенно тем же путем, как для другого. Им бы следовало спрашивать не собственно ответа, а *совета*, в не у меня и даже не ученых богословов, а у тех *наставников*, которые богаты *духовным опытом*, а потому каждому могут подать соответственный ему совет. Они могут не быть особенно учеными и философами, но они знают непосредственно то, что люди книжные знают лишь теоретически. Как в неведомой вам стране дорог проводник, *ее* лично знающий, а не ученый географ, который, несмотря на все свои карты, не лучше вас запутается в лесных дебрях я горных тропинках, — точно также и здесь дорог человек *личного духовного опыта*. В них, слава Богу, нет и ныне недостатка, и, конечно, из спорившей компании многие знают имена, привлекающие в тот или иной приход, тот или иной монастырь тысячи человек со всех концов России. Они-то, эти наставники, «духовные отцы», лучше всего могут, полагаю, для каждого разрешить сомнения и недоумения, проистекающие из этих глубочайших тайников души.

На этих-то «медиков» я и указываю всем, кто, испытав «недоумения» и «сомнения», о которых говорит письмо, тяготится **ими**, чувствует их *неприятность* (то есть, значит, еще *жив* духовно), И — насколько мне приходилось слышать — кажется очень мало бывает случаев, чтобы, начавши таким образом *искать*, человек в конце концов не находил *достаточно для себя*. По мере же того, как он становится хоть чуть-чуть зрячим, — само рассуждение его делается яснее.

Без раскрытия же глаз — никакие рассуждения не помогут. Вот что могу я ответить на письмо и его «недоумения». Само по себе это очень немного, как я и предупреждал, но тот, кто последует моему совету в отношении «духовных врачей», — наверное скоро убедится, что в других советах моих для него нет и надобности.